

П.П.Лизогуб

МУ «Новокузнецкий краеведческий музей», г. Новокузнецк

**БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ КУЗНЕЦКОЙ КРЕПОСТИ
КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА
(До НАЧАЛА 1990-х гг.)**

В статье на обширном архивном материале излагается сложная история музеефикации одного из ключевых сооружений города - Кузнецкой крепости.

Историю Кузнецкой крепости можно разделить на три этапа, отличающихся между собой как хронологическими рамками, так и качественным содержанием.

Первый период подразумевает существование крепости как военного объекта и продолжается от начала её строительства в 1800 г. до перевода крепости в разряд заштатных и окончательного снятия её с баланса военного ведомства (1846 г.).

Хронологические рамки второго этапа частично накладываются на первый период, поскольку началом хозяйственного (невоенного) применения крепостных сооружений можно считать 1829 г., когда было принято решение использовать (после перепрофилирования) бывшую каменную солдатскую казарму в качестве острога для содержания тюремных арестантов [4]. Нижняя граница этого периода - 1919 год, когда поджог и уничтожение крепостной тюрьмы полностью выводит крепость из разряда непосредственных хозяйственных объектов, что, впрочем, не отменяло потенциальной возможности для использования её в будущем в качестве таковой.

Наконец, третий этап - понимание крепости как исторического памятника города и Кузнецкого края, как символа старого Кузнецка (впоследствии и всего Новокузнецка), продолжающийся в настоящее время, - сформировался не сразу. Для этого нужно было взаимодействие, как минимум, двух факторов. Во-первых, необходима определённая временная отдалённость эпохи строительства крепости от эпохи проживания поколения кузнецчан, следующей за очевидцами её непосредственного воздвижения, т.е. перевод крепости в разряд легендарных объектов, подробности возникновения которого покрыты «сединой веков». Так, если И.С. Конюхов, бывший свидетелем строительства крепости, ещё в 1870-е гг. в своей «Кузнецкой летописи» вполне точно передаёт связанные с этим события [1, с. 31], то уже в 1890-е гг. формируется представление о каменной Кузнецкой крепости как о фортификационном сооружении XVIII в. вплоть до мнения о возведении его в петровскую эпоху [8]. Во-вторых, нужен определённый уровень образования (и - шире - мировоззренческого кругозора) для того, чтобы привычный для каждого кузнецанина объект, используемый в качестве тюрьмы, начать воспринимать как исторический памятник.

Очевидно, что человеку со стороны много проще преодолеть «барьер повседневности» и выйти на уровень вневременного исторического обобщения. Поэтому не случайно, что первым, судя по имеющимся в нашем

распоряжении источникам, кто обратил внимание на необходимость охраны крепости как памятника, стал томский учёный, известный сибирский археолог С.К. Кузнецов, работавший в 1890-е гг. библиотекарем Томского университета. В фондах Новокузнецкого краеведческого музея отложилась копия подборка материалов Императорской археологической комиссии, связанных с «поручением господину Кузнецову продолжения раскопок по берегам реки Яи». В одном из этих документов, а именно в письме С.К. Кузнецова комиссии от 26 ноября 1894 г., исследователь, ссылаясь на помещённую в газете «Сибирский вестник» (№113 за 1894 г.) статью «Город Кузнецк Томской губернии и его древности», с тревогой пишет, что «уцелевшие стены её (*Кузнецкой крепости*. - П.Л.) и башни назначены к сломке, а первоначальный земляной рудут отчасти застроен». Далее автор письма указывает, что, поскольку Кузнецкая крепость - единственная в Сибири (после Тобольского кремля), построенная из камня, она безусловно заслуживает сохранения [9].

На письмо С.К. Кузнецова последовала незамедлительная реакция со стороны Археологической комиссии. Уже 7 декабря председатель этой организации граф А. Бобринский, озабоченный тем, что «старинная крепостная стена г. Кузнецка постепенно разбирается местными обывателями и подвергается опасности уничтожения», обратился с просьбой к томскому губернатору «принять строгие меры против дальнейшего уничтожения их (*стен Кузнецкой крепости*. - П.Л.)» [10].

Обеспокоенность А. Бобринского в частности и всего археологического сообщества в целом судьбой Кузнецкой крепости не осталась без внимания. Спустя три месяца, 10 марта 1895 г., в Императорскую археологическую комиссию пришёл ответ от томского губернатора. Содержание этого документа заслуживает того, чтобы привести его практически полностью: «Имею честь сообщить, что старинная крепостная стена г. Кузнецка в настоящее время стоит очень прочно и местными жителями не разбирается, при этом считаю долгом присовокупить, что разборка этой стены частными лицами, с целью воспользоваться камнем, и не может иметь места, так как она настолько затвердела, что легче добыть камень из скалы, чем из этой стены. Имеющиеся же в Археологической комиссии сведения о разборке этого старинного памятника относятся, по всей вероятности, к обстоятельству, имевшему место, по собранным мною сведениям, лет 15 или 20 тому назад, когда все находившиеся в ограде этой стены

казённые постройки, в том числе и остатки старинной Кузнецкой крепости, были проданы Правительством с аукционного торга, и лица, их купившие, действительно разобрали эти постройки и продали камень» [11].

Несмотря на столь авторитетное заявление высокого чиновника, всё же трудно поверить в то, что разборка крепостных стен на частные хозяйства, столь активно практикуемая в дальнейшем (вплоть до послевоенного времени), не применялась и в более раннее время, в том числе и в 1890-е гг. Разумеется, пока бывшая казарма на крепости использовалась в качестве тюрьмы, определённым сдерживающим фактором в расхищении камня с крепостных стен выступали наружные посты тюремного острога (их было четыре), на которых несли караульную службу солдаты Кузнецкой местной команды. Впрочем, по имеющимся данным, нигде не прослеживается, что им в обязанность вменялось оберегание крепостных стен от разрушения. В любом случае следует признать, что томский губернаторвольно или невольно дезинформировал российский учёный мир о состоянии Кузнецкой крепости и на долгие годы «закрыл» тему о необходимости её охраны.

Особенно остро вопрос о сохранении крепости как исторического памятника обозначился в 1920-е годы, когда после разгрома тюрьмы и превращения её в груды камней бывший фортификационный объект перешёл в разряд полностью бесхозных. Это в полной мере относится и к располагавшейся на месте некогда подзорной башни надвратной Ильинской церкви. Как и остальные храмы города, она в ходе «роговского нашествия» подверглась поджогу, после которого эта церковь как культовый объект уже не использовалась. Можно предположить, что одно время местная православная община пыталась отремонтировать Ильинскую церковь. Так, новосибирский журналист А. Кручина, посетивший Кузнецк летом 1923 г., отметил, что купол этой церкви недавно было выкрашен в зелёный цвет [2, с. 98]. Однако собственно к крепости как памятнику истории, к его охране и тем более реставрации это абсолютно не имеет отношения. Как с горечью констатировал тот же А. Кручина, «охраной памятников старины здесь (в Кузнецке. - П.Л.) вообще не интересуются» [2, с. 101]. Не менее характерна и другая зарисовка тех времён, принадлежащая перу предгубмузея З. Гайсина, посетившего с целью ознакомления с состоянием музейного дела и охраны памятников ряд городов Томской губернии, в том числе и Кузнецк, 2 августа 1923 г. (фактически одновременно с А. Кручи-

ной): «От Кузнецкой крепости, имеющей громадное историческое значение, сохранились по внешнему виду лишь стены главного фасада крепости с церковью над крепостными воротами и пятью пушками... Камни со стен крепости до последнего времени разбирались снутри, местами даже снаружи местными обывателями. По частным сведениям^ в этом принимал участие даже и укомхоз (*руководитель уездного коммунального хозяйства. П.Л.*)» [3].

Конечно, такое ненормальное положение вещей не могло продолжаться бесконечно долго. Уже в середине 1920-х гг. в городе формируется определённое краеведческое движение, получившее организационное оформление в феврале 1929 г. вскоре после открытия кузнецкого краеведческого музея. Учредителями общества выступали известные в городе люди: основатель музея Г.С. Блынский, заведующий музея Н.П. Кайдалов, учитель П.Г. Зенков, врач Р.М. Борисенко и другие (всего 11 человек). Одним из направлений деятельности этой общественной организации становится задача по «обследованию памятников архитектурной и художественной старины края» [16]. Кузнецкая крепость одной из первых попала в этот разряд.

Наиболее целно и последовательно идею музеефикации Кузнецкой крепости в 1933-34 гг. проводит директор краеведческого музея Н.Н. Балашов, предложивший восстановить в крепости ряд некогда существовавших там зданий и организовать в них однодневный дом отдыха для трудящихся, а саму территорию использовать в качестве парка-мемориала (предполагались разбивка ботанического сада, устройство большого пруда при ручье Водопадном и много других интересных проектов) [17].

Между тем на практике мало что изменилось. О том, что в это время крепость была предоставлена сама себе, красноречиво говорит следующий факт из хроники происшествий: «24 сентября 1935 г. в половине восьмого вечера начался пожар в крепостной церкви всех имевшихся там деревянных частей, т.е. деревянные балочные перекрытия под куполом, надстройкой и купол. Как позднее было выяснено, пожар был произведён ютившейся там группой беспорядочников» [18]. (Именно поле этого события крепость приобретает свой «классический» вид полуразрушенным вторым этажом бывшей церкви).

Дело усугублялось ещё тем, что в это время (1937-39 гг.) краеведческий музей - важный рупор всех активистов краеведческого движения

в деле оповещения населения о состоянии вопроса с Кузнецкой крепостью путём публикации заметок в городской газете «Большевицкая сталь», организации и проведения экскурсий на крепость и др. - оказался на «консервации» (фактически был закрыт).

И всё же усилия краеведов не пропали даром. В руководящих кругах города всё больше и больше начинают склоняться к тому, что необходимо принимать действенные меры против искусственного (наиболее подходящий здесь термин - варварского) разрушения памятника. Впрочем, практическую реализацию этих мер мы начинаем видеть, как это ни покажется парадоксальным, только в годы Великой Отечественной войны. Определённую роль здесь сыграло и то, что в 1942 г. в преддверии широко, с патристическим размахом отмечавшегося 325-летнего юбилея старого Кузнецка специальным решением Новосибирского облисполкома (Новокузнецк до января 1943 г. входил в состав этой области) Кузнецкой крепости был придан статус охраняемого исторического памятника областного значения [19]. Однако даже в такой обстановке поведение городских властей в отношении крепости поначалу отличалось колебанием и непоследовательностью. С одной стороны, горисполком ограничивает и даже запрещает использовать территорию крепости в узковедомственных интересах. Так, на настойчивую просьбу ОРСа могущественного в то время КМК о передаче крепости этому предприятию для устройства здесь склада взрывчатки исполком 6 мая 1942 г. ответил твёрдым отказом [5]. С другой стороны, уже летом этого же года районные власти одобрили открытие на внутрикрепостной площадке производства извести, а вся остальная её территория, включая крепостные валы, была отдана под разбивку самодеятельных огородов. Потребовалось ещё два года, прежде чем твёрдые охранительные меры в отношении крепости были изложены в постановлении Сталинского горисполкома № 387 от 10 октября 1944 г. Это решение гласило:

«1. Горисполком отмечает, что каменные и кирпичные конструкции Старокузнецкой крепости, являющейся единственным памятником старины гор. Сталинска, варварски, систематически разбираются населением для личных нужд, и никакой борьбы с этим со стороны Старокузнецкого райисполкома и 6 отделения РК милиции не ведётся.

2. Обязать начальника 6 отделения РК милиции тов. Трусова установить постоянный милицейский надзор за сохранностью крепости.

3. Лиц, виновных в разборке крепости, привлекать к уголовной ответственности как за расхищение исторических ценностей» [6].

Несмотря на принимаемые меры, было очевидно, что подобные репрессивные акции могли дать только временный эффект. Для комплексного решения проблемы необходимо было прежде всего передать памятник на ответственное хранение какой-либо конкретной организации (предприятию, учреждению). Наиболее логичным представлялась передача исторического памятника в управление краеведческому музею, что и было сделано в 1947 г. [20] С одной стороны, для музея такое решение стало большой удачей и победой, значительным шагом в деле создания условий для сохранения этого крупнейшего историко-архитектурного памятника Кузнецкого края. С другой стороны, на музей, испытывавший в эти годы большие проблемы с собственным местонахождением (до 1949 г. он на «птичьих правах» занимал небольшое помещение по ул. Кирова, 7, арендуя эту площадь у книжного магазина), это легло тяжкой обузой. Тем не менее руководство музея предпринимает конкретные шаги для разрешения «крепостного вопроса». Для начала соорудили на крепости караульный домик и поселили в нём двух сторожей, заключив с ними соответствующий договор сроком на 10 лет [20].

Как оказалось, само по себе наличие сторожей не решало проблемы. Уже ближайшие события поставили под сомнение эффективность данной меры. Так, в августе 1948 г. местные власти с нескрываемым удивлением и с не меньшим негодованием обнаружили, что на территории Кузнецкой крепости воздвигнуто сооружение, которое при ближайшем рассмотрении оказалось жилым домом некоего гражданина М.Т. Чистякова. Решение Кузнецкого райисполкома было суровым и незамедлительным: дом конфисковать, а застройщика за незаконное самовольство и «расхищение государственного имущества (кирпич с крепости) привлечь к судебной ответственности по статье 90 Уголовного кодекса». Здесь же указывалось, что переданная крепость краеведческому музею не восстанавливается, а, наоборот, расхищается и уничтожается». Подписал это решение председатель Кузнецкого РИКатовариш ... Чистяков [7].

Несмотря на немалую долю курьёзности этого эпизода (налицо плохо скрываемая родственная «разборка»), он весьма характерен для всей ситуации, которая сложилась с середины 1940-х до середины 1950-х годов вокруг Кузнецкой крепости. С одной стороны, в послевоенные годы окон-

чательно утвердилось мнение о крепости как об уникальном памятнике истории города (в эти годы её начинают систематически посещать экскурсионные и туристические группы; визуальным символом старого Кузнецка всё чаще становится тот или иной ракурс каменной крепости). С другой стороны, действенных мер по музеефикации и реставрации памятника в это время так и не проводится.

В этих условиях краеведческий музей вновь берёт инициативу в свои руки. В июле, а затем в сентябре 1956 г. зам. директора музея Д.Д. Белошицкий направляет в ряд высоких инстанций (Сталинский горисполком и горком КПСС, Министерство культуры РСФСР), а также в редакцию областной газеты «Комсомолец Кузбасса» предложения «восстановить Кузнецкую крепость для культурных потребностей трудящихся города». Д.Д. Белошицкий, констатируя всё продолжающийся процесс разрушения крепости, от лица всего музейного сообщества изложил программу по её восстановлению. В этом документе были обозначены такие принципиально важные моменты:

«1. Реставрация Кузнецкой крепости (с восстановлением всех её строений) по состоянию на 1846 г. (*обоснование этой даты будет дано ниже. — П.Л.*)»;

1. Приспособление отреставрированных крепостных сооружений под тот или иной социально-культурный объект (санаторий, дом отдыха, пионерлагерь и т.д.).

3. Финансовые затраты на эти мероприятия должны быть возложены на крупные промышленные предприятия (КМК, алюминиевый и ферросплавный заводы) с тем, чтобы в дальнейшем они имели возможность разместить здесь своих трудящихся и их детей» [21].

Нетрудно заметить, что ещё почти четверть века назад Н.Н. Балашов предлагал схожую схему восстановления крепости. Однако только теперь появилась реальная надежда на воплощение этих замыслов в жизнь. Это было связано как с активной позицией в этом вопросе директора краеведческого музея П.В. Кононовой, так и с весьма заметной благоприятной тенденцией перехода вопросов культуры в приоритетные направления городской политики (так, в 1955 г. после долгих лет скитаний и временок музей получает в постоянное пользование просторное помещение на первом этаже нового пятиэтажного дома по ул. Школьной, 24). Все эти положительные факторы привели к тому, что 15 сентября 1959 г. Сталинский

горисполком принимает долгожданное (для всех, кому была небезразлична судьба памятника) решение передать Кузнецкую крепость краеведческому музею, провести её реставрацию с восстановлением ряда исторических объектов и открыть на её территории филиал музея [12].

Это было серьёзное достижение в деле сохранения Кузнецкой крепости. Более того, вопрос о её музеефикации получил своё практическое выражение. В качестве подкрепления проводимых мероприятий в это время как раз подоспело постановление Совета министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г. о признании Кузнецкой крепости памятником республиканского (по современной терминологии - федерального) значения.

В соответствии с решением горисполкома застройщиком крепости выступал краеведческий музей, а проектное задание на её реставрацию получил институт «Кузбассгорпроект». В отличие от полного восстановления, за которое ратовал Д.Д. Белошицкий, проектное задание предусматривало воссоздание только некоторых объектов 1846 г.: штаб-офицерского дома и казармы на валу (для размещения филиала краеведческого музея), гауптвахты (для размещения квартиры сторожа), реставрацию крепостных стен и земляных валов, а также возведение надвратной церкви, которую ошибочно посчитали современной 1846 году (на самом деле Ильинская церковь построена гораздо позже) [13]. Эта ошибка неслучайна. Материалы, имевшиеся в распоряжении архитекторов (автор проекта - Телегин, главный архитектор проекта - Горшенев), были чрезвычайно скудны. Основой для реконструкции крепостных сооружений послужили не подлинные чертежи (которые хранились в Ленинграде в Центральном военно-историческом архиве, ныне РГВИА), а имевшийся в музее... макет Кузнецкой крепости, изготовленный в своё время К.А. Евреиновым. Этот прекрасный с художественной точки зрения экспонат, отражающий состояние крепости на 1846 год, имел определённые исторические анахронизмы, включая расположение Ильинской церкви на месте существующей ещё на тот момент подзорной башни.

Любопытно, что в порядке озеленения и благоустройства территории ости здесь предполагалась разбивка мемориального парка, куда должна была быть перенесена могила борцов революции с Советской площади [14].

Несмотря на определённые минусы и недочёты проекта, осуществлённое в то время эти грандиозные планы, они сыграли бы свою решающую роль в деле сохранения и музеефикации крупнейшего городского

историко-архитектурного памятника. К сожалению, как это нередко бывает, сложный вопрос о финансировании проекта так и не получил своего положительного разрешения. После 1961 г. все работы по проекту были приостановлены, а затем окончательно свёрнуты.

В дальнейшем на протяжении последующей четверти века серьёзных попыток по сохранению и реставрации крепости уже не предпринималось. Памятник вскоре остался без какой-либо охраны, предоставленный, как и в старые «добрые» времена, сам себе. Пожалуй, единственным положительным моментом в эти годы можно считать то, что в связи со значительным сокращением частного сектора Кузнецкого района проблема выламывания крепостного камня на строительно-хозяйственные нужды потеряла свою болезненную актуальность.

Новый этап возрождения крепости связан с попыткой создания историко-мемориальной зоны в Кузнецком районе, впервые выдвинутой на повестку дня решением Новокузнецкого исполкома 19 июня 1985 г. И хотя практическое создание самой исторической зоны затянулось вплоть до начала XXI века, вопрос о будущем крепости в значительной степени благодаря организаторской деятельности бывшего сотрудника краеведческого музея А.Ю. Огурцова получил своё чёткое разрешение в постановлении № 597 Новокузнецкого горсовета от 28 ноября 1991 г.:

«В связи с выделением музейной сети отделу культуры исполкома, исполком городского совета народных депутатов решил:

1. Открыть историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость» с размещением на территории памятника истории и культуры республиканского значения Кузнецкой крепости» [15].

Таким образом, с этого времени судьба древней крепости оказалась самым тесным образом связана с вновь создаваемым самостоятельным музеем. Это решение стало победой в борьбе за сохранение Кузнецкой крепости, в деле её музеефикации. Победой важной, но не окончательной. Последующие события, выходящие за рамки данной статьи и требующие отдельного рассмотрения, в полной мере оказались наполнены неожиданными коллизиями и драматическими решениями.

Список литературы

1. Конюхов, И.С. Кузнецкая летопись [Текст] /И.С. Конюхов. Новокузнецк, 1995.
2. Кручина, А. В глухом углу, в Кузнецке [Текст] / А.Кручина // Повествование о Земле Кузнецкой. -Кемерово, 1992.

3. Новокузнецкий краеведческий музей (НКМ). Нф-д. Оп. 1. Р. 10. Д. 1. Л. 7. (Копия: архив ТГОИАМ. Оп. 1. Д. 6. Л. 294 («Краткий отчет предгубмузея З. Гайсина, прибывшего из командировки в г. Щегловск, рудники Кемерово, Кольчутино, Бочаты, Прокопьево и гор. Кузнецк»)).
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. Л. 109.
5. Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (НФГАКО). Р. 1. Оп. 1. Д. 292. Л. 357.
6. НФГАКО. Р. 1. Оп. 1. Д. 310. Л. 112.
7. НФГАКО. Р. 17. Оп. 1. Д. 4а. Л. 196.
8. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 1. Д. 36. Лл. 27, 27об.
9. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 1. Д. 36. Л. 27об.
10. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 1. Д. 36. Л. 32.
11. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 1. Д. 36. Л. 35.
12. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 1. Д. 36. Р. 2. Д. 44. Л. 8.
13. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 1. Д. 36. Д. 45. Лл. 36-37.
14. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 1. Д. 36. Д. 44. Лл. 11-19.
15. НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 6. Д. 125 («Научная концепция Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость»).
16. НКМ. Нф-д. Оп. 10. Д. 1. Л. 8.
17. НКМ. Нф-д. Оп. 10. Д. 1. Лл. 72-78.
18. НКМ. Нф-д. Оп. 10. Д. 1. Л. 35.
19. НКМ. Нф-д. Оп. 10. Д. 1. Л. 40.
20. НКМ. Нф-д. Оп. 10. Д. 1. Л. 112.
21. НКМ. Нф-д. Оп. 10. Д. 1. Л. 111.